

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ

Экономика сложного человека

В статье анализируется одно из направлений экономической синергетики — концепции, которая разрабатывалась Л. и Р. Евстигнеевыми. Речь идет о необходимости включения в экономический анализ не просто экономически рационального человека (*homo economicus*), но человека во всем комплексе его социальных, политических, культурных, психологических и иных воззрений, ценностей, связей и т.п. Для такого расширения экономического анализа в него вводится категория “ментальность”, вбирающая все богатство побудительных мотивов человека, а потому, как следствие, расширяющая понимание рациональности экономической деятельности за пределы мотивов получения прибыли. Сама рациональность должна включать в себя и социальные, и психологические, и политические, и культурные, и многие другие мотивы. Внедрение в экономический анализ категории “ментальность” заставляет по-новому взглянуть на смысл таких категорий, как “рынок”, “капитал”, “доход”. В целом концепция Евстигнеевых подтверждает необходимость учета в построениях новой, инновационной экономики целей и ценностей сложного человека.

Ключевые слова: экономическая синергетика, ментальность, рынок, экономическая рациональность, капитал, доход.

Открылось мне: в законах точных чисел,
В бунтующей, мыслительной стихии —
Не я, не я — благие Иерархии
Высокий свой запечатлели смысл.
Андрей Белый. “Дух”

Цикл монографий последних десятилетий Людмилы Петровны и Рубена Николаевича Евстигнеевых [Евстигнеева, Евстигнеев 2005; Евстигнеева, Евстигнеев 2010; Евстигнеева, Евстигнеев 2011; Евстигнеева, Евстигнеев 2016], развивающих идеи экономической синергетики, не вписывается в рамки современного научного мейнстрима, нередко встречают непонимание или даже отторгаются рядом исследователей. Тем более, что сам стиль авторов, скорее тяготеющий к философии экономической теории, требует дополнительных усилий от читателя, чтобы понять логику развития их оригинальной концепции, связать ее с насущными проблемами, постоянно возникающими в повседневной экономической жизни.

Нередко можно слышать, что данная концепция относится скорее к будущему, нежели к текущей хозяйственной действительности. Между тем и сами Евстигнеевы отмечали по этому поводу, что будущее всегда выстраивается на базе эволюционного развития и не противоречит современному состоянию. “Развитие есть усложнение, но оно не есть устаревание уровневых экономических структур... Современная экономика — это структура (комплексность), имеющая не только будущее, но и прошлое” [Евстигнеева,

Плискевич Наталья Михайловна — старший научный сотрудник Института экономики РАН, заместитель главного редактора журнала “Общественные науки и современность”. Адрес: 117977, Москва, Профсоюзная ул. 90.
E-mail: ons@naukaran.com

Евстигнеев 2016, с. 102]. Также и экономика будущего строится на фундаменте современной экономики. Поэтому столь важно сегодня внимательно вчитываться в работы Евстигнеевых, чтобы постараться уже сейчас устранить дефекты, способные исказить будущее развитие, нередко и создать новые, ранее неизведанные проблемы для наших потомков, способные даже через многие десятилетия блокировать модернизационные процессы (см., в частности, [Плискевич 2016]).

Темы, затрагиваемые Евстигнеевыми, дают обширный материал для размышлений, споров, дискуссий. Но в данной статье хотелось бы обратить внимание лишь на один аспект их богатого творческого наследия. При этом уже очевидно, что предлагаемая к обсуждению проблема и сегодня волнует многих, блокировки ее решения ощущаются как тормоз модернизации страны. Речь идет о месте человека в экономической системе как целостности, во всем богатстве его ценностей, привычек, предрассудков и т.п. А особенно — в формирующейся на наших глазах новой экономике — цифровой, инновационной, информационной.

Такой взгляд на человека — движителя новой экономики — по сути соответствует историческому подходу к развитию мирового хозяйства. Каждый его этап выдвигал свои требования к качествам работника (как массового, рядового, так и различных ступеней управленческих звеньев). Это, в свою очередь, провоцировало изменения и в экономической мысли, трактующей данные процессы (см., например, [Мальцев 2016]).

Не вдаваясь в глубь мировой экономической истории, вспомним, что в нашей стране ускоренные процессы индустриализации 1930-х гг. потребовали не просто притока из деревни массы работников на новые производства, но и необходимости их обучения, как минимум, в объеме начального и незаконченного среднего образования, а также ускоренной подготовки специалистов массовых для новой ситуации работников как низшего, так и среднего квалифицированного звена — инженеров, врачей, учителей. Кроме того, сложилась индустрия массовой культуры, призванная не только обеспечить потребности нового работника в полноценном отдыхе, но и внедрять в его сознание новые ценности, соответствующие изменившемуся индустриальному обществу, равно как и необходимые власти идеологические клише. Эти процессы получили название “культурная революция”.

К сожалению, в дальнейшем, примерно на рубеже 1960–1970-х гг., внимание к этой проблеме, равно как и к общим условиям труда работников более высокой квалификации стало ослабевать. В этот период затраты на НИОКР даже в военной сфере существенно сократились, о чем не так давно говорил академик Ю. Рыжов, отмечавший, что наша “технология отстала еще с начала 1970-х гг., когда резко упали ассигнования на НИОКРы, даже в оборонной промышленности” [Рыжов 2016]. Кроме того, практически сошла на нет “вилка” между оплатой научного труда и общей средней зарплатой. Так, если в 1940 г. средняя зарплата в сфере науки и научного обслуживания была в 1,4 раза выше средней по стране в целом, то к концу существования Советской власти эти цифры практически сравнялись. Те же процессы, хотя и в меньшей степени, фиксирует статистика оплаты инженеров и руководящих кадров в промышленности по сравнению со средними показателями отрасли [Народное...1988, с. 390–391].

Эти процессы, медленно развивавшиеся уже не одно десятилетие, резко ускорились с началом реформ, когда труд многих инноваторов, ученых при всей его значимости обесценился. Упали доходы и в менее интеллектуальных сферах деятельности. И это — одна из серьезнейших проблем страны. Однако для перехода к качественно иной, инновационной, информационной экономике важно прежде всего наличие критической массы креативных людей, инноваторов, способных предложить нетривиальные решения в самых разных ситуациях. Разумеется, их успешная работа без творческого контакта с представителями менее образованных страт населения, которое, в свою очередь, также должно стремиться не только к новым профессиональным знаниям, но и впитывать культурные стандарты, характерные для нового инновационного прорыва, переживаемого сегодня передовыми странами. Причем важно, чтобы инноваторы имели возможность комфортного взаимодействия с существующими в стране носителями массовых

знаний и ценностей. Как отмечал Д. Норт, “специализированные знания приобретают высокую ценность лишь в том случае, когда их можно интегрировать со вспомогательными знаниями ценой небольших затрат” [Норт 2010, с. 173].

То есть новый этап модернизационного развития требует новых качеств не только от наиболее способных инноваторов, но и от работников массовых профессий. А для формирования необходимой критической массы таких работников необходим не только подъем отечественных наук и образования, но и создания произведений массовой культуры, доступной широкой зрительской аудитории. Они ежедневно в тонкой, присущей именно творческим культурным формам, должны внедрять в сознание широких масс населения ценности, приоритеты креативности, самосовершенствования, демонстрировать примеры достижения личного жизненного успеха именно на этом пути. В настоящее время наиболее эффективным средством формирования массовой культуры остается телевидение. Однако, к сожалению, оно не выполняет эти функции, продуцируя в основном массовую культуру того качества, который мог бы быть приемлем на первых этапах индустриального развития, связанных прежде всего с конвейерным производством. Сегодня же, если мы хотим войти в число стран инновационного мира, этот контент должен быть коренным образом пересмотрен.

Д. Дондурей неоднократно обращал внимание на эту проблему отечественного телевидения, делая акцент не на общественно-политическом блоке передач, а на общей программной политике ведущих телеканалов, их развлекательных передачах, сериалах и т.п. Он констатировал, что современная массовая культура “не позволяет заниматься инновациями”. Причем у него речь идет не об отдельных творцах, а о широких массах: “...во-первых, о готовности всего общества. Во-вторых, о готовности элит. В-третьих, о готовности институтов, очагов прорыва... Для инноваций нужно, чтобы креативным было общество” [Дондурей 2012].

Дондурей неоднократно отстаивал мысль, что задача массовой культуры, прежде всего телевидения, – в продвижении ценностей созидательного труда, развития личности как залога продвижения общества. “Мы должны поощрять и инициировать творческую деятельность в поле именно этих бесспорных и естественных ценностей”, – утверждал он [Дондурей 2015]. При этом он, надеясь на сдвиги в сложившейся ситуации, считал, что толчок к ним даст отнюдь не художественная среда, а на макроэкономисты. Одновременно Дондурей упрекал их в отсутствии в макроэкономических построениях связи “главных проблем страны с субъектом культуры – самим человеком” [Дондурей 2012].

Можно сказать, что работы Л. и Р. Евстигнеевых созвучны приведенным мыслям известного культуролога. Все они ясно осознавали, что качественный рывок в экономической сфере может совершить только сложный человек, мыслящий, сомневающийся, ищущий нетривиальных решений поставленных перед ним, казалось бы, неразрешимых задач. Именно поэтому Евстигнеевы ввели в ядро своей концепции категорию “ментальность”. Причем ментальность, и вообще весь комплекс субъективных воззрений человека, входит у них **внутрь** экономической теории, а не выступает ее внешним контуром, просто средой, окружающей поле собственно экономики. И в то же время в предложенной ими концепции это расширение поля экономического анализа, будучи подкрепленным своеобразной философской основой, не несет в себе вульгаризаторства “экономического империализма”, которым нередко грешат экономисты, пытающиеся привычными им методами (прежде всего, экономико-математическими) анализировать разнообразные процессы социальной жизни.

Во многом такое расширение поля экономического знания достигалось благодаря введению в экономический анализ категории “ментальность”. И хотя не только в философских теориях, но и в концепции Евстигнеевых, эта категория достаточно расплывчатая, все же учет охваченных ею факторов переводит традиционный экономический анализ в новое качество: “Речь идет о включении в систему социально-экономических структур категории духовного статуса индивида как неотъемлемой части чисто физического и социального статусов. Это не проблема индивида как такового. Это проблема структуры социально-экономической системы” [Евстигнеева, Евстигнеев 2011, с. 46].

Причем именно такой подход в отличие, скажем, от антропологической концепции или концепции диалога, которые стремятся вывести механизмы развития общества из его индивидуализации, одновременно снимают проблему социально-экономической структуры и собственности, “проблему единства индивидуализации и социализации” [Евстигнеева, Евстигнеев 2011, с. 46].

В своей теории Евстигнеевы вплетают ментальное, духовное начало в ту первичную клеточку экономической системы, каковой у них выступает рынок¹. Рынок для них — главный двигатель прочих изменений в экономике. Вся история экономического развития — история формирования, становления, усложнения рынков, прохождения ими различных этапов развития, связанных с глубочайшими технологическими и социальными, а также политическими изменениями в обществе. Можно сказать, что даже в ситуациях, когда рынок подменялся жестким плановым регулированием экономики, он при первых возможностях “прорастал” сквозь него, пусть и в виде неформальных отношений. Причем такие отношения по сути искажали формальные институты не только плановой экономики, но и заимствующиеся впоследствии при переходе к рынку стандартные институты рыночной системы. Так, советская экономика, с одной стороны, с течением времени превращалась в экономику “бюрократического торга” (С. Кордонский, В. Найшуль). С другой стороны, из-за огромных структурных перекосов в теле основной, плановой, экономики как компенсаторная система складывалась сеть неформальных теневых рыночных отношений и соответствующих им институтов и социально-психологических привычек, которые к 1980-м гг. вылились уже в систему “теневой экономики”.

Переход к категории “рынок” как краеугольной для всей конструкции экономической синергетики обусловлен прежде всего получившимися ускоренное развитие в XX в. процессами усложнения и собственно экономических, и всех иных отношений современного общества. Д. Норт отмечал, как возрастает сложность человеческой жизнедеятельности и взаимодействий” в ходе экономического развития [Норт 2010, с. 129]. Причем этот процесс усложнения в новую эпоху информатизации и глобализации необычайно ускорился. И Евстигнеевы в своем анализе пытались работать на опережение, осмысливая все новые и новые изменения, вписывая их в свою нелинейную конструкцию и на этой основе предсказывая грядущие изменения.

Они пришли к выводу, что категория “рынок” в наибольшей мере оказывается адекватной идее развития. Ведь суть рынка — выработка системы согласования разнообразных интересов субъектов, участвующих в обменных процессах. На первичных его этапах эти процессы ограничивались сферой собственно экономических отношений, позволявших выделить в анализе некоего *homo economicus* как носителя сугубо экономической рациональности. Однако современное усложнение жизни, переплетение самых разных ее аспектов (причем в разных ситуациях влияние тех или иных факторов обладает разной степенью интенсивности) приводит к тому, что рациональность деятельности невозможно ограничить сугубо экономическим аспектом. Она не может не учитывать и политические, и социальные, и психологические, и экологические, и иные “вводные”. Без такого учета согласование интересов в сложной системе современного общества или крайне затруднено, или просто невозможно.

Именно на такой основе, по мнению Евстигнеевых, как было отмечено выше, решается проблема единства индивидуализации и социализации. Это и означает переход от линейной зависимости к нелинейным, синергетическим, конструкциям. Причем инструментом учета такой нелинейности оказываются именно рыночные отношения, но перешедшие на новую стадию развития, органически включившие в себя всю совокупность социальных факторов, оказывающихся необходимыми и для более точного прогноза хозяйственной деятельности, но главное — для достижения социального консенсуса в обществе. Евстигнеевы утверждают, что “экономика может служить предметом, вполне достаточным для системного исследования синергетических аспектов мира, в котором мы живем. Удивительное свойство экономики — ее сопряженность со

¹ Ср. теорию К. Маркса, для которого первичной клеточкой анализа стал товар.

всеми сферами жизнедеятельности общества (культура, политика, социальная психология и т.д.), по отношению к которым экономика в современном мире является ядром и управляет ими как своим контекстом” [Евстигнеева, Евстигнеев 2010, с. 11].

Для экономического мейнстрима в качестве субъекта рынка предстал “человек, проникнутый коммерческим духом”. В условиях быстрого усложнения общественных отношений это способствовало, в частности, и процессам стандартизации личности, которые в XXI в. сказываются не только на огрублении потребностей и мотивов массового человека, но и, как следствие, становятся препятствием дальнейшего стабильного экономического роста, в свою очередь оказывающегося и причиной, и следствием личностного развития. Выход из этого тупика Евстигнеевы видят во включении в анализ рыночных отношений человека как многопланового субъекта с его потребностями и в социальной, и в культурной, и в политической, и в иных сферах. То есть ими выдвигается новый подход к проблеме рациональности экономического поведения, которая должна включать в себя не только социальные и политические, но и духовные, нравственные компоненты. Ибо “духовность имеет мощную социальную составляющую. Она обуславливает содержание общества как целостности, определяя границы свободы человека в рамках данной цивилизации – что можно и чего нельзя” [Евстигнеева, Евстигнеев 2011, с. 50].

Именно духовно развитая личность с ее нравственными устоями не только дает новые импульсы технологического, институционального и социального прогресса, без которых немислим выход на новые рубежи экономического роста, но и оказывается способной стать субъектом многочисленных согласований интересов, связанных с разными сферами общественного бытия. Без этого сегодня невозможно нормальное функционирование сложного современного общественного организма.

Разумеется, те высокие личностные стандарты, о которых пишут Евстигнеевы, ныне встречаются не часто, что типично отнюдь не только для нашей страны. Но это не мешает рассуждать о закономерностях грядущих изменений, диктуемых всеускоряющимся ходом технологического развития цивилизации. Поэтому Евстигнеевы пишут о грядущей либеральной ментальности, “которая не может не включать одновременно полной свободы индивида в его текущей и стратегической ориентации и его *ответственности* (курсив мой. – *Н.П.*) за принятые решения как собственно им, так и обществом. Поэтому наиболее полным понятием свободы является понятие “свободы выбора”. Отсюда следует, что человек “в синергетическом, либеральном обществе будет поставлен перед необходимостью ответственного выбора между Добром и Злом” [Евстигнеева, Евстигнеев 2011, с. 48].

Тем самым в проповедуемом Евстигнеевыми подходе превращение рыночных отношений в отношения субъектные прямо противостоит вульгарному индивидуализму. Ведь либерализм, отстаивающий права личности на свободное развитие, не является антитезой коллективизму. Его антитезой, скорее, выступает патернализм, предполагающий перекалывание бремени принятия решений, равно как и рисков, с ними связанных, и ответственности за их выполнение на некоего “патера”, в наше время – обычно на государство. Но включенная в систему общественных отношений личность не может не создавать с окружающими те или иные связи, сети и т.п. Не случайно в последнее время очень часто упоминают о коллективном либерализме, о важности для современной экономики проблемы согласования деятельности разных субъектов рынка, о переходе к философии сотрудничества как предпосылки развития экономики нового качества [Полтерович 2015].

Такой взгляд на сущность субъекта рыночной деятельности снимает как устаревшую формулу противоречия “государство – рынок”. “Реальность ставит нас перед необходимостью исследовать рынок и государство как целостную, нерасчлененную систему, далеко выходящую за рамки этой формулы” [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, с. 30]. Для них характерна трактовка рынка и государства как компонентов более широкого понятия Социум, который представлен системой социальных субъектов разного уровня: человек, бизнес, государство (как управляющая система, или Квазисоциум), Социум (функция

которого – создание и актуализация социальной формы Бытия) (см. [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, с. 31–32]).

Однако, говоря о снятии противопоставления рынка и государства, формирования среды, способствующей развитию нового уровня самоорганизации в системе экономических отношений, Евстигнеевы выдвигают важное условие – становление высокоразвитой личности как основного субъекта рыночных процессов. Без этого даже огромные капитальные вложения, которые способно сконцентрировать государство, не дадут ожидаемого эффекта: “...деградация современного общества может быть преодолена не с помощью бесконечного умножения капитальных вложений, как полагают большинство экономистов, а только путем зарядки общества мощной социальной энергетикой” [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, с. 131]. А это возможно лишь в ситуации повышения “степени свободы выбора для экономических субъектов и, соответственно, их социального тонуса” [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, с. 131].

Всякое “усложнение ситуации требует от государства высокого уровня системы управления (с отрицательной и положительной обратной связью)” [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, с. 87]. Государство должно способствовать процессам развития рыночной самоорганизации общества. И именно на этой основе, улавливая объективно диктуемые эволюционные процессы, управлять этими процессами самоорганизации². Переход же государства по отношению к обществу к “самообороне” лишь искажает и усложняет объективно назревшие процессы.

Правда, тут возникает одна проблема, свидетельствующая скорее о том, что теория Евстигнеевых, к сожалению, осталась до конца не разработанной. В их книгах темы высокоразвитой личности, ее ментальности, включения духовности, нравственного компонента в анализ связаны лишь с анализом новых рыночных отношений. При этом государство выступает как некий обезличенный институт. Однако представляется, что тему высокоразвитой духовной личности необходимо развить и по отношению к государственной деятельности. Ведь государство – по сути, совокупность чиновничьего аппарата. И от того, какого качества личности будут занимать те или иные руководящие кресла, многое зависит и в функционировании экономики, и в жизни общества в целом (подробнее об этом см. [Плискевич 2016]). Это тем более важно, что сами Евстигнеевы выступают против монополизации “элитами” (точнее – “квазиэлитами”) государственных структур³.

Как и положено в экономической синергетике, Евстигнеевы выходят за рамки чисто экономических рассуждений в традиционном их понимании, вторгаясь на территорию политологического анализа, ибо затрагиваемые проблемы и в их теории, и в реальной жизни неразделимы. И вместе с тем эти рассуждения – часть именно экономической теории, цель которой – объяснить причины стагнации экономики и поиск новых импульсов экономического роста. Пока же мы видим, что построение элитой управления экономикой и обществом по канонам централизации вертикали власти, которое на первых порах иногда может дать некоторый эффект, в дальнейшем ведет к застою и даже деградации. “Подмораживая” общество, предлагая ему действительно удобные для многих патерналистские схемы, такая система одновременно губит основную энергию творческого развития, а без нее современная экономика развиваться не может. Очевидна необходимость перехода от такого элитарного способа управления к более гибким современным схемам, основанным на доверии к человеку. В этом идеи Евстигнеевых перекликаются с концепцией Норта – Уоллиса – Вайнгаста о необходимых пороговых условиях перехода к современному “зрелому государству” с “порядками открытого доступа” [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011, с. 76].

² С этими идеями перекликаются по сути и направлению высказанные В. Полтеровичем требования к сильному государству, проводящему реформы. Оно «должно быть достаточно сильным и устойчивым для того, чтобы не следовать “модным” рецептам экономической политики, подавлять избыточную перераспределительную активность и вместе с тем допустить становление гражданского общества» [Полтерович 2007, с. 283].

³ Тема качества элит, степени их морального совершенства подробно разрабатывается в книге [Оболонский 2016].

Стоит обратить внимание еще на одну сферу, обычно рассматриваемую как чисто экономическую, в которую Евстигнеевы органично встраивают понятие “ментальность”, переводя тем самым анализ этой сферы из линейной области в область многомерную, синергетическую. Это анализ пары “капитал – доход”. Капитал в их конструкции становится символом развития, инвестирования самых разных средств (не только денежных, но и человеческого капитала) во все новые и новые прорывные идеи, воплощения их на практике. Именно капитал в руках носителей высокой ментальности становится двигателем прогресса. Потому мы и встречаем фразу: “Добрые качества людей имеют наиболее глубокие корни в капитале” [Евстигнеева, Евстигнев 2016, с. 67].

Эти рассуждения так не соответствуют стандартным представлениям о капиталисте-кровопийце, да и тем примерам капиталистического развития, которые в избытке дала наша страна в последние десятилетия. Однако в ответ на подобные возражения в работах Евстигнеевых появляется также ментально окрашенная категория – доход, которая в противовес капиталу как символу развития предстает как символ непроизводительной растраты ресурсов, застоя, тормоза экономического развития: “Доход как регулирующий критерий текущего рынка тянет за собой шлейф разрушительных последствий. Если на стороне капитала и стратегического рынка лежит основание устойчивости общества и высокой нравственности как определяющего свойства ментальности, то на стороне дохода лежат негативные ментальные свойства” [Евстигнеева, Евстигнев 2011, с. 66]. И далее: «Негативная ментальность – это не другая ментальность, это кризисная ментальность, порожденная сформировавшейся в стране бюджетной экономикой, которой свойственно устойчивое общее рыночное “неравновесие”» [Евстигнеева, Евстигнев 2011, с. 67].

Наследие Евстигнеевых, оставленное нам в виде последних четырех монографий и многочисленных статей, все же часто оставляет ощущение недосказанности. Тем важнее сегодня вчитываться в их работы, пытаясь постичь то, что осталось, к сожалению, так и не воплощенным, стремиться к дальнейшему развитию разрабатываемого Людмилой Петровной и Рубеном Николаевичем направления экономической мысли.

Книга мемуаров Рубена Николаевича “Безмолвное знание” (М., 2006) завершается рассказом о встрече его и Людмилы Петровны с вдовой Даниила Андреева – замечательного поэта, философа, автора знаменитой “Розы мира”, сына Леонида Андреева. Потому хотелось бы завершить статью строками Даниила Андреева, которые, возможно, вдохновляли и Людмилу Петровну, и Рубена Николаевича:

“Мне радостно обнять чеканкой строк,
Как влагу жизни – кубок мира,
Единство цели, множество дорог
В живом многообразии мира”.

[Андреев, 1989, с. 10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Д. (1989) Русские боги. Стихотворения и поэмы. М.: Современник.
Дондурей Д. (2012) Культура и инновации: неосознанный потенциал // НГ-сценарии. 24 апреля.
Дондурей Д. (2015) Творцам предлагается “лечь на дно” // Новая газета. 1 июля.
Евстигнеева Л.П., Евстигнев Р.Н. (2011) Новые грани ментальности. Синергетический подход. М.: ЛЕНАНД.
Евстигнеева Л.П., Евстигнев Р.Н. (2016) Стратегия экономического развития России. Теоретический аспект. М.: ЛЕНАНД.
Евстигнеева Л.П., Евстигнев Р.Н. (2010) Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД.
Евстигнеева Л.П., Евстигнев Р.Н. (2005) Экономический рост: либеральная альтернатива. М.: Наука.

- Мальцев А.А. (2016) Гипотеза о техницистской истории экономической мысли // Общественные науки и современность. № 5. С. 30–48.
- Народное хозяйство СССР. Статистический ежегодник (1988) М.: Финансы и статистика.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
- Оболонский А.В. (2016) Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М.: Мысль.
- Плискевич Н.М. (2016) В поисках новой экономической стратегии // Мир России. № 4. С. 185–195.
- Плискевич Н.М. (2016) Path dependence и проблемы модернизации мобилизационного типа // Мир России. № 2. С. 123–143.
- Полтерович В.М. (2015) От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. № 4. С. 41–64.
- Полтерович В.М. (2007) Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Рыжов Ю.А. (2016) Россия стоит на пороге жуткого краха // Московский комсомолец. 25 декабря.

The economy of a complex man

N. PLISKEVICH*

*Natalya Pliskevich – Senior Researcher, Institute of Economics Russian Academy of Sciences, Deputy Editor-in-Chief of the journal “Social Sciences and Contemporary World”. Address: 90 Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: ons@naukaran.ru

Abstract

The article analyzes one of the directions of economic synergetics – the concept developed by L. and R. Evstigneev. This is the need to include in the economic analysis not just an economically rational person (*homo economicus*), but a person in the whole complex of his social, political, cultural, psychological and other views, values, ties, etc. For such an expansion of economic analysis, it introduces the category of “mentality”, which includes all the wealth of motivations of a person, and therefore, as a consequence, expanding the understanding of the rationality of economic activity beyond the motives for profit. The very rationality should include both social, psychological, political, cultural, and many other motives. The introduction of the category “mentality” into the economic analysis makes us take a fresh look at the meaning of such categories as “market”, “capital”, “income”. In general, the concept of Evstigneev’s confirms the need to take into account the goals and values of a complex person in the construction of a new, innovative economy.

Keywords: economic synergetics, mentality, market, economic rationality, capital, income.

REFERENCES

- Andreev D. (1989) *Russkie bogi. Stihotvoreniya i poemi* [Russian gods. Lines and poems]. Moscow: Sovremennik.
- Dondurey D. (2012) Kultura i innovacii: neosoznanniy potencial [Culture and innovation: unconscious potential]. *NG-scenarii*. 24 aprelya.
- Dondurey D. (2015) Tvorcam predlagaetsya lech na dno [Creators are invited to “lie down to the bottom”]. *Novaya gazeta*. 1 iyulya.
- Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. (2005) *Ekonomicheskiy rost: liberalnaya alternative* [Economic growth: a liberal alternative]. Moscow: Nauka.
- Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. (2010) *Ekonomika kak sinergeticheskaya sistema* [Economics as a synergetic system]. Moscow: LENAND.
- Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. (2011) *Novie grani mentalnosti. Sinergeticheskiy podhod* [New facets of mentality. Synergetic approach]. Moscow: LENAND.
- Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. (2016) *Strategiya ekonomicheskogo razvitiya Rossii. Teoreticheskiy aspekt* [Strategy of economic development of Russia. Theoretical aspect]. Moscow: LENAND.

Mal'cev A.A. (2016) Gipoteza o tehnicistskoy istorii ekonomicheskoy misli [A hypothesis about the technical history of economic thought]. *Obshchestvennie nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 30–48.

Narodnoe hozhaystvo SSSR. Statisticheskiy ezhegodnik (1988) [The national economy of the USSR. Statistical Yearbook]. Moscow: Finansi i statistika.

Nort D., Uollis D., Vayngast B. (2011) *Nasilie i socialnie poryadki. Konceptualnie ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara.

Obolonskiy A.V. (2016) *Etika publichnoy sfery i realii politicheskoy zhizni* [Ethics of the public sphere and the realities of political life]. Moscow: Misl'.

Pliskevich N.M. (2016) V poiskah novoy ekonomicheskoy strategii [In Search of a New Economic Strategy]. *Mir Rossii*, no. 4, pp. 85–195.

Pliskevich N.M. (2016) Path dependence i problemi modernizatsii mobilizacionnogo tipa [Path dependence and problems of modernization of the mobilization type]. *Mir Rossii*, no. 2, pp. 123–143.

Polterovich V.M. (2015) Ot socialnogo liberalizma k filosofii sotrudnichestva [From Social Liberalism to the Philosophy of Cooperation]. *Obshchestvennie nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 41–64.

Polterovich V.M. (2007) *Elementi teorii reform* [Elements of the theory of reforms]. Moscow: Ekonomika.

Rizhov YU.A. (2016) Rossiya stoit na poroge zhutkogo kraha [Russia is on the verge of a terrible collapse]. *Moskovskiy komsomolec*. 25 dekabrya.

© Н. Плискевич, 2018